

КОРИН МАЙКЛС

Помоги мне
ВСПОМНИТЬ

Москва
2026

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М14

Corrine Michaels
HELP ME REMEMBER

Copyright © 2022. HELP ME REMEMBER by Corrine Michaels

Художественное оформление *Елены Ефименко*

Майклс, Корин.
М14 Помогите мне вспомнить / Корин Майклс ; [перевод с английского Е. С. Гладыщева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.— (В объятиях лжи).

ISBN 978-5-04-233871-7

В одно мгновение я потеряла все.

Свои воспоминания, прошлое и надежды на будущее.

Из последних трех лет жизни знаю лишь одно — старший брат мертв, а я — единственный свидетель.

Чтобы не повлиять на мои показания, адвокаты запрещают кому-либо рассказывать о прошлом. Я должна сама все вспомнить. Единственный, кто может помочь, — Спенсер Кросс, лучший друг моего брата и один из выдающихся репортеров в стране. Тот самый Спенсер, о котором я мечтала многие годы.

Вместе мы должны по крупицам восстановить прошлое и найти убийцу. Но с каждым днем я все больше замечаю, что Спенсер видит во мне не просто младшую сестренку своего друга. Его поцелуи кажутся чем-то до боли родным. Объятия дарят ощущение безопасности. И мне уже не так хочется вспоминать прежнюю жизнь, ведь я мечтаю о новой с ним.

Но память возвращается, заставляя усомниться в будущем.

Особенно когда я нахожусь в своей квартире обручальное кольцо. Понятия не имею, кто его подарил и какую правду оно скрывает.

Я просила Спенсера помочь мне все вспомнить...

Но теперь отдала бы все, чтобы забыть.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-233871-7

© Гладыщева Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Золмер Штайн... Спасибо,
что не уволила меня — пока еще.*

Глава 1

БРИЭЛЬ

Я распахиваю глаза и тут же зажимаюсь от слишком яркого света. Головная боль ужасна, от нее перехватывает дыхание. Какого черта здесь случилось?

На руке чувствуется легкое прикосновение, и тишину наполняет ласковый мамин голос.

— Бриэль, милая. Все хорошо. Моя сладкая девочка, открой глазки.

Я несколько раз выдыхаю, прежде чем попытаться снова. На этот раз я готова к яркому свету и стерильно-белым стенам, отражающим солнечный свет. Кто-то быстро двигается по комнате, и через секунду опускаются жалюзи, создав спасительную тень и облегчив мне задачу разлепить веки.

— Где... — пытаюсь выговорить я, но горло пересохло. Такое ощущение, что я проглотила тысячу ножей и много лет не пила ни глотка воды.

Возле меня сидит мама, а рядом с ней моя невестка Эддисон. Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, кто

с другой стороны, но это большая ошибка. Череп пронзает новая волна боли. Прижимаю ладони к голове, пытаюсь унять сильную боль, но получается плохо.

Кто-то, полагаю, что врач, приказывает принести лекарства, а затем понижает голос до шепота.

— Бриэль, это Холден. Сейчас мы дадим тебе обезболивающее.

Холден? Лучший друг моего брата здесь? Я не понимаю. Он покинул Роуз-Каньон много лет назад и возвращается сюда не чаще раза в год.

Он снова начинает говорить:

— Ты знаешь, где находишься?

Судя по мониторам и тому, что я лежу в кровати, предполагаю, что в больнице, поэтому киваю.

— Ч-что с-случилось? — едва выговариваю я.

Вокруг тишина, слышен только писк у меня за спиной. Усилием воли держу веки открытыми, как будто это поможет мне найти ответ на вопрос, почему я здесь. Когда у меня наконец получается, я обнаруживаю перед собой всех трех лучших друзей моего брата. Холден в белом халате стоит посередине. Рядом с ним Спенсер Кросс, высокий, греховно красивый брюнет, о котором я мечтаю с тринадцати лет, но который никогда не будет моим. Позади Эмметт Максвелл, который... сейчас в армии, ожидает передислокации... Какого черта?

Почему он в полицейской форме? Почему он вообще здесь? Электронные письма, которые он присылает каждую неделю, — вот и все, что мне известно о нем от Айзека, потому что, конечно же, Эмметту было необходимо вступить в спецназ. Он не мог просто отслужить свой срок и вернуться — ему нужно проявить героизм, что несколько не удивительно.

— Ты знаешь, почему ты в больнице? — спрашивает Холден.

Я качаю головой, тут же сожалея об этом.

Он ласково улыбается, прежде чем спросить:

— Как твое полное имя?

— Бриэль Анджелина Дэвис.

— Дата рождения?

— Седьмое октября.

— В какой школе ты училась?

Я фыркнула:

— В той же, что и вы все. Старшая школа Роуз-Каньона.

Эмметт выступает вперед. Он крупнее, чем я помню, у него широкая грудь, а мышцы рук так распирают форму, что кажется, словно она вот-вот лопнет по швам. Он одаривает меня своей обаятельной улыбкой и кладет руку на плечо Холдена.

— Бриэль, как считаешь, ты готова ответить на несколько моих вопросов? Знаю, тебе наверняка больно, и ты устала, но это важно.

Вопросы? Разве я уже не отвечаю на вопросы?

Давление на руке усиливается, напоминая, что рядом мама, и я медленно поворачиваюсь к ней. Под ее карими глазами залегли темные круги, а по щекам текут слезы. Эдди стоит рядом и тоже выглядит так, словно не спала целую неделю. Я снова оглядываюсь по сторонам, гадая, где, черт возьми, мой брат. Айзек скажет мне, в чем дело. Он всегда со мной честен.

— Айзек? — Я зову его, думая, что, может быть, он в коридоре или куда-то отошел.

Эддисон прижимает ладонь ко рту и отводит взгляд. Мама крепче сжимает мою руку, а затем тянется к Эдди.

— А что насчет Айзека? — спрашивает Холден, снова привлекая мое внимание.

— Где он?

В разговор вмешивается Эмметт:

— Что ты помнишь о вашей последней встрече с Айзеком?

— Я не... Я не... — Оглядываюсь по сторонам, не понимая, почему я в больнице и что, черт возьми, происходит. — Помогите. Я не...

— Спокойно, Бри, — быстро говорит Холден. — Ты в безопасности. Просто расскажи нам, что случилось.

Я качаю головой, потому что не понимаю, почему он об этом просит. Боль еще острее пронзает голову. Я зажмуриваюсь и жду, пока не станет полегче, чтобы вновь начать говорить.

— Я не знаю. Почему я здесь? Что происходит? Где Айзек? Почему вы все плачете? Что со мной не так?

Холден подходит ближе, не сводя с меня глаз:

— С тобой все в порядке, но я хочу, чтобы ты сделала пару вдохов и постаралась успокоиться, хорошо? — Он преувеличенно глубоко вдыхает, на секунду задерживает дыхание, а затем медленно выдыхает. После нескольких попыток мне удастся повторить его действия, но паника не исчезает и скребет душу.

Он поворачивается к Эмметту:

— Она не готова. Почему бы вам, ребята, не дать нам несколько минут, пока я осмотрю ее и помогу прийти в себя. Ей нужно немного времени.

Мама встает, но не отпускает мою руку:

— Я ее не оставляю.

— Миссис Дэвис, мне нужно ее осмотреть, и будет лучше, если нам не будут мешать.

Если это даст мне хоть какие-то ответы, я согласна. Но, моя мать не сдастся без боя.

— Мам, все в порядке. Мне просто... Нужно время. — Моя улыбка выходит натянутой, но мама кивает и выпускает мою руку из своей.

Когда Спенсер, Эмметт, Эддисон и мама уходят, появляется медсестра, и они с Холденом окружают мою кровать.

Холден подходит ближе, светит фонариком мне в глаза, а затем присаживается на край кровати.

— Знаю, такое пробуждение может сбить с толку и сильно напугать. Поэтому предлагаю проверить твои показатели и поговорить, хорошо?

Я показываю на свое горло, и медсестра протягивает мне стакан с соломинкой.

— Сначала глотай по чуть-чуть. У тебя пустой желудок, не стоит торопиться.

Я пью ледяную жидкость, которая немного облегчает боль. Мне хочется, чтобы это ощущение никогда не заканчивалось, но стакан слишком быстро отбирают.

Затем Холден показывает мне фотографии трех объектов:

— Через несколько минут я задам тебе вопросы по поводу этих предметов. Тебе нужно их запомнить, а потом ответить. Нужно еще разок на них взглянуть?

Чашка, ключ и птица. Это не ракетостроение.

— Нет, не нужно.

— Хорошо. Можешь поднять руки и прижать ладони к моим?

Я выполняю просьбу, и Холден выглядит довольным, а затем переходит к другим несложным тестам. Позже прослушивает мой пульс и называет цифры. Пока он занят делом, в голове с бешеной скоростью проносятся мысли, но я слишком устала, чтобы гнаться за ними.

Холден обращается к медсестре:

— У пациентки начали проявляться синяки на лице, поэтому перед выпиской нужно будет обновить фотографии. Я также хотел бы заказать еще одну магнитно-резонансную томографию. Нужно убедиться, что отек от обеих травм спадает.

— Насколько серьезны ушибы? — спрашиваю я.

— Ничего страшного. Должны зажить через неделю или две.

Я киваю:

— Ладно. А как насчет травмы головы?

— Будет понятно, когда придут результаты анализов и после повторного МРТ.

— Можешь рассказать мне, почему я здесь и что происходит?

— Мы все обсудим, как только закончим осмотр.

Он задает кучу вопросов, и все это время у меня в голове все плывет. Я по-прежнему жду, когда в дверях появится мой брат и скажет Холдену, куда ему засунуть свои медицинские заключения.

Когда наконец мы заканчиваем, он откладывает свой планшет:

— Что было нарисовано на первой картинке?

Я делаю глубокий вдох и затем понимаю, что в голове пустота.

— Эм... Это была...

Я откидываю голову на подушку и пытаюсь сосредоточиться. Я же знаю ответ.

— Чашка! — торжествующе выпаливаю я.

— Хорошо. Ты помнишь второе изображение?

— Да, там были ключи.

Он улыбается, и медсестра кивает.

— Превосходно, Бриэль. А как насчет последней картинки?

— Я помню. Я... Я знаю. — Пытаюсь вспомнить, но мысли путаются. — Кажется, я ужасно устала.

Холден кладет ладонь на мою руку:

— Ты отлично справляешься.

Серьезно?

— Почему бы тебе не рассказать мне о последнем своем воспоминании?

Я смотрю на свои руки, теребя подаренное моим отцом кольцо, и пытаюсь собраться с мыслями. Я начинаю с детства, вспоминаю праздники, дни рождения и каникулы. Мы с братом много проказничали, но в итоге доставалось всегда бедному Айзеку. Мой отец просто не мог меня наказать, и я этим пользовалась по полной.

Вспоминаю выпускной в средней школе, лавандовое платье, которое надела под мантию, и как два дня спустя умер отец.

Похороны прошли в тумане слез и печали, но я отчетливо помню, что именно Айзек будто скала поддерживал мать, не позволив ей развалиться на части.

Знакомство с Генри. Я училась на втором курсе колледжа, и мы пересекались на уроках математики. Боже, он был таким милым и забавным. В конце нашего первого свидания возле моего общежития он поцеловал меня, и я готова поклясться, что после этого мои губы покалывало еще час.

Это было волшебно.

Еще больше подробностей, еще больше воспоминаний о том, как мы влюблялись друг в друга и вместе закончили колледж. Мы ужасно волновались, когда вскрывали письма о приеме в одну и ту же аспирантуру в Орегоне. Я вспомнила квартиру, в которую мы переехали, готовые начать новую жизнь. Спустя два года еще один выпускной, на котором мы уже не были такими воодушевленными, потому что выросли и перед нами стоял взрослый выбор.

Я решила вернуться в Роуз-Каньон, а Генри остался в Портленде, чтобы возглавить семейный бизнес. Это было несколько месяцев назад.

Оторвав взгляд от своего кольца, я заметила, что Холден наблюдает за мной в ожидании ответа.

— Я окончила аспирантуру около полугода назад. Жила с Эддисон и Айзеком, пока искала работу.

Холден начал что-то записывать.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Я... Я знаю, что Айзек и Эдди поженились. Я вернулась домой ради этого. Мы с Генри... — Я умолкла, пытаюсь вспомнить, какими мы были. — Мы поругались. Это было так глупо. Он умолял меня переехать в Портленд, хотя знал, что я этого не хочу. О! После очередного собеседования я получила работу и начала жить одна. — У меня округлились глаза, когда я вспомнила, что только что устроилась здесь на работу. В Роуз-Каньоне.

— Кем ты работаешь?

— Я социальный работник в новом Молодежном центре. Устроилась туда несколько недель назад. — Я улыбаюсь, чувствуя, что дышать становится немного легче. Я вспомнила.

Однако Холден не разделяет моего энтузиазма:

— Ты, кажется, взволнована этим.

— Ага, так и есть. Это замечательное место, и... Там была Дженна...

Он записывает за мной.

— Можешь еще что-нибудь рассказать? Например, о коллегах или детях, с которыми ты познакомилась?

Я нахмурилась:

— Не уверена. Для меня все в новинку, я только начала со всеми знакомиться. — Я произношу эти слова, но они кажутся не совсем правдой.

— Трудно быть новенькой, — Холден улыбается. — А как насчет причины, по которой ты в больнице? Помнишь что-нибудь или кого-нибудь, кто должен был находиться здесь с твоей семьей?

Я перебираю в памяти людей, которые были рядом, когда я проснулась. Очевидно, что Холден ждет от меня

имени брата, но он, скорее всего, на учебе. Потому я провожу ладонью по лицу, а затем произношу:

— Генри?

— А что Генри?

Сердце пускается вскачь, и я подаюсь вперед, не понимая, почему болит каждая мышца, тогда как Холден упомянул только о травме головы.

— Он должен быть здесь, но его нет. С ним все в порядке? Ему кто-нибудь звонил?

— Насколько мне известно, с ним все в порядке, и я уверен, что твоя мама ему сообщила.

Слава богу, с ним все в порядке, и он не в соседней палате.

— Он должен скоро приехать. Уверена, что он будет здесь. Возможно, его просто задержали на работе.

— Что ты хочешь сказать?

Я вздыхаю:

— Генри... Если его здесь нет, то он скоро приедет. Вот и все. Мы работаем над отношениями. По крайней мере, стараемся все исправить. Последние несколько месяцев у нас были трудные времена. Он не хочет переезжать в Роуз-Каньон, а я не хочу жить в городе. Мне нравится это место, и я хочу быть поближе к брату и невестке. Они хотят завести ребенка, и я собираюсь стать лучшей тетей в мире.

— Бриэль, почему ты в больнице?

Я закрываю глаза, пытаюсь пробиться сквозь тьму в своем сознании. Но ничего не вижу.

Лишь густой туман, который мешает что-либо вспомнить.

Я потеряна. Ничего не вижу.

Сердце бешено колотится, и я изо всех сил пытаюсь отыскать в голове хоть что-нибудь, но вокруг темно, и что-то сдавливает мне грудь.

Паника грозит захлестнуть меня с головой.

Я немедленно распахиваю глаза и перевожу безумный взгляд на лучшего друга моего брата, задыхаясь и пытаюсь втянуть в себя воздух.

О боже. Со мной что-то не так.

— Сделай глубокий вдох носом и выдохни через рот, — командует Холден спокойным тоном, пытаюсь меня успокоить, но тщетно.

— Ч-чего я не знаю? Почему я здесь?

Холден стискивает зубы, как будто сдерживается, чтобы не сказать лишнего. Звуковой сигнал позади меня усиливается.

— Я попала в аварию?

— Не в аварию, но кое-что действительно произошло. Бриэль, мне нужно, чтобы ты успокоилась. Сосредоточься на моем голосе и дыхании.

В груди поднимается новая волна тревоги. Если это не авария, то что тогда? Я не могу успокоиться. Не могу остановить панику, которая нарастает с каждой секундой.

— Что случилось?

— Бри, хватит, — снова пытается успокоить Холден. — Ты должна успокоиться, или мне придется что-нибудь тебе вколоть.

— Нет, нет, потому что... Я не помню, почему я здесь.

От вопросов и предположений кружится голова. Если виноват не несчастный случай, значит, кто-то сделал это со мной. Кто-то причинил мне вред. Я просто хочу знать, кто и зачем. Меня бросило в дрожь от осознания, что слезы на лицах моей матери и невестки, — это ответ на вопрос, который я не хочу задавать. Эдди любит меня, я знаю, что любит, но ее реакция, когда я... когда я произнесла имя моего брата...

Присоединенные ко мне аппараты начинают пищать еще быстрее. Я осознаю, что Холден что-то мне говорит,

но грохот пульса в ушах и мое прерывистое дыхание заглушают звук его голоса.

Айзек.

Я произнесла его имя, и Эдди вздрогнула. Что-то действительно произошло.

О боже.

Я не могу. Мне нужно знать. Я снова смотрю на Холдена, сердце бешено колотится в груди, и выдавливаю из себя единственное слово.

— Айзек?

— Бриэль. — Холден сжимает обе мои ладони и пристально смотрит на меня, — постарайся сосредоточиться на мне и сделай медленный вдох. Все хорошо.

Нет, не хорошо. Я не могу вспомнить, почему я здесь. Я не знаю, что случилось, и чем усерднее пытаюсь вспомнить, тем отчаяннее становится писк аппаратов. Зрение затуманилось, и Холден что-то рявкнул медсестре.

Но я не обращаю внимания на его крики. Слишком захвачена вихрем мыслей и отчаянной необходимостью наполнить легкие, которые отказываются работать.

Затем, через минуту, по венам разливается волна спокойствия, и я закрываю глаза, погружаясь в сон.

Я нахожусь в каких-то странных сумерках. Слышу голоса, как будто совсем рядом, но, как бы ни старалась, не могу очнуться.

— Что мы ей скажем? — спрашивает Эддисон.

— Ничего, — отвечает моя мать. — Нам совершенно ясно дали понять, что мы не должны влиять ни на одно из ее воспоминаний. Нужно набраться терпения и позволить памяти вернуться самостоятельно.